

Разводные створки души

Вадим Сайгафаров

Вадим Сайгафаров

Разводные створки души

«Автор»

2025

Сайгафаров В. Ф.

Разводные створки души / В. Ф. Сайгафаров — «Автор», 2025

Петербург. Мост над черной Невой. И безликие Тени в плащах, уносящие жизни. **Юля видела *Их* в момент гибели. Видела синеватые губы под капюшоном. Этого мига хватило, чтобы ее мир рассыпался в прах. Теперь внутри – только ледяная, звенящая пустота. Мир потерял вкус, цвет, запах. Попытки достучаться до небытия разбиваются о немой запрет: Но как не лезть, когда дно отчаяния – единственное, что осталось? Когда сама пустота кричит громче любого голоса? Дойдя до края, до холодных перил моста, где оборвалась ее жизнь, Юля встречает *Ее* снова. Ту, чьи синеватые губы помнит до кошмаров. Смерть. Нарушая древние правила, Сущность дает Юле шанс. Шанс на прощание. Но цена за этот дар будет невообразимой – и для живой, и для той, что служит Вечности. Что сильнее: вечный закон Теней или отчаянная благодарность спасенной души? *Путешествие в самое сердце тьмы, где горе обретает лицо, а смерть – неподвижные синеватые губы. История о падении, цене милосердия и свете, рожденном на краю бездны.

© Сайгафаров В. Ф., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
Глава 1: Тени за стеклом	6
Глава 2: Перед Отплытием	9
Глава 3: Ночные Тени Старой Квартиры	11
Глава 4: Серебристая Капсула в Никуда	13
Глава 5: Мост в Никуда	15
Глава 6: Кровь и Безмолвие	18
Глава 7: Шепот и Игла	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вадим Сайгафаров

Разводные створки души

ВСТУПЛЕНИЕ

****Бывает горе, которое не плачет. Оно немеет.****

Оно выжигает изнутри, оставляя после себя беззвучный, звенящий вакуум. Мир теряет краски, вкусы, запахи. Становится серой, безвкусной декорацией, сквозь которую ты двигаешься, как призрак собственной жизни.

Юля знает это горе. Оно пришло к ней на разводном мосту Петербурга.

Эта история – о падении. О пути сквозь крошечную тьму утраты, где даже слезы высыхают, не принося облегчения. О встрече с тем, что забирает, и с тем, что, возможно, может дать... что-то невообразимое. О цене, которую требуют древние правила за их нарушение. И о силе, которая может родиться на грани жизни и небытия – силе, имя которой еще предстоит узнать.

Это история о Юле. О мосте над черной водой. И о том, что иногда смерть – это не конец, а лишь начало самого невероятного и страшного путешествия.

Глава 1: Тени за стеклом

Вечерний Ленинградский проспект за окном тонул в рыжем свете фонарей. Юля нервно сминала в руках обертку от шоколадки, ее русые волосы, собранные в небрежный хвост, выбивались прядями на лоб. Коробки с книгами и посудой, хаотично заполнявшие центр комнаты, казались ей сегодня особенно угрожающими – немymi свидетелями ее нарастающей паники. И виной всему – **тени**. Они возвращались.

Переезд. Само слово звучало как обещание новой жизни, чистого листа. С Андреем. Высокий, темноволосый Андрей, чья твердая рука сейчас аккуратно складывала его коллекцию винила в специальный ящик. Он ловил ее взгляд и улыбался – спокойной, уверенной улыбкой, которая обычно растворяла все ее тревоги. Но не после того, что она видела **в подъезде неделю назад**.

«Юль, ты уверена, что хочешь брать эту вазу?» – спросил он, держа в руках хрупкий богемский хрусталь.

Его голос донесся будто сквозь вату. Юля снова смотрела в окно. Туда, где за спиной Андрея, на тротуаре напротив подъезда, они были неделю назад

Тени.

Не люди. Не совсем. Фигуры в длинных, струящихся, неестественно черных плащах, капюшоны скрывали лица – если они вообще были. Они не шли. Они *парили* в нескольких сантиметрах над асфальтом, медленно, плавно, беззвучно. Двое. Один чуть ближе к подъезду, его "взгляд" (она чувствовала его как ледяной луч) был направлен прямо на Андрея, видимого в окне третьего этажа. Второй – чуть вдаль, будто наблюдал за периметром. Вокруг них воздух мерцал, как над раскаленным асфальтом, только холодом. Ледяным, пронизывающим холодом, который она чувствовала кожей даже сквозь стекло. **Тот самый холод, что сковал ее на крыльце дачи, когда она увидела их в первый раз – одну такую фигуру, парящую над огородом, будто черный страж у границы их участка.**

«Юля?» Голос Андрея стал ближе. Он подошел, оставив вазу. Его теплая ладонь легла ей на плечо. Она вздрогнула, оторвавшись от окна. «Опять?»

Она кивнула, не в силах вымолвить слово. Глоток воздуха застрял в горле колючим комом. Видеть то, чего не видят другие... Это был ее крест с детства. Призраки на старых дачах, тени в школьных коридорах, шепот в пустых комнатах. Психиатры говорили о тревожном расстройстве, повышенной чувствительности, воображении. Родители беспокоились. И только Андрей... Андрей не смеялся. Он просто *был* рядом. **Но даже его терпение, казалось, дало трещину**.

«Смотри,» – прошептала она, с трудом поворачивая голову обратно к окну. – «Там... Они же были там. Плащи. Они... левитировали. Смотрели на тебя*. **Совсем как тогда... на огороде.**»

Андрей внимательно, без тени насмешки, но с легкой усталостью во взгляде, посмотрел в указанном направлении. Его темные, почти черные глаза скользнули по знакомому пейзажу:

припаркованные «Жигули», фонарный столб, кусты сирени, редкие прохожие, спешащие по своим делам. Ничего необычного.

«Никого нет, милая,» – сказал он мягко, но твердо. Его руки опустились с ее плеч на талию, повернули ее к себе, от окна. Он был таким *реальным*, таким *теплым* и *твердым* на фоне ледящего ужаса за стеклом. «Видишь? Там обычный вечер. Машины, люди, кусты. Никаких плащей. Никакой левитации. **Ты же сама говорила – на даче это мог быть туман или тень от высокой сосны. Или усталость, Юль. Мы тогда целый день забор красили, помнишь?***»

Его слова вернули ее на мгновение в тот вечер: прохлада, запах хвои и краски, ее собственный испуганный шепот: "Андрей, смотри! Там! Над морковкой! Черное... плывет!" И его спокойный ответ, рука на ее руке: "Где? Не вижу, Юлек. Тень от сосны, наверное. Или туман с болотца поднимается. Или мы с краской слишком много надышали!" Она тогда так хотела ему поверить. Как хотела сейчас.

Юля прижалась лбом к его груди, вдыхая знакомый запах его одежды – свежесть, легкий табак, *безопасность*. Его сердце билось ровно и сильно под ухом. «Но я же *вижу* их, Андрей... Такие ясные... Такие *холодные*. Они следят за тобой. Я чувствую... **Я чувствую тот же холод, что и на даче!***» – голос ее дрожал, в нем звучала мольба – *поверь мне, на этот раз поверь!*

«Твои чувства – реальны, Юль,» – он гладил ее по спине, большая рука успокаивающе двигалась кругами. «Твоя тревога, твой страх перед переездом – это нормально. Новое место, стресс... Мозг ищет выход, рисует знакомые кошмары. Твои старые «друзья» из детства. **И да, краска на даче была едкая, могло привидеться.**» Он аккуратно отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. Его взгляд был открытым, любящим, *убедительным*, но где-то в самой глубине – *тень беспокойства, которое он тщательно скрывал.* «Это не *там*. Это – *здесь*.*» Он легонько ткнул пальцем ей в висок, потом прижал ее ладонь к своей груди. «И *здесь*. Мы – реальны. Они – нет. Ты в безопасности. *Я* с тобой.»

Логика его слов, тепло его рук, абсолютная уверенность в его голосе – все это медленно растапливало лед внутри. Пульсация страха стихала. Она снова украдкой глянула в окно. Тро-туар был пуст. Ни теней, ни мерцания. Только колеблющийся свет фонаря на ветру.

«Наверное... Наверное, ты прав,» – выдохнула она, чувствуя, как стыд смешивается с облегчением. «Это... все эти коробки, суета... Голова кругом. **И воспоминания о даче.** Прости.»

«Не извиняйся,» – он притянул ее снова, крепко обнял. Она утонула в этом объятии, всем телом доверяя его силе, его рациональности, *ему*. Он был ее якорем в мире, где земля иногда уходила из-под ног. «Все будет хорошо. Я обещаю. Новая квартира, новый старт. Только мы. Никаких призраков. **

Юля закрыла глаза, прижимаясь к нему. Его уверенность была щитом. Она *хотела* верить. Очень хотела. В его реальность. В его мир без левитирующих теней в черных плащах. **Но где-то в подсознании, как заноза, сидело воспоминание о том ледящем холоде на даче – холоде, который не имел ничего общего с запахом краски.**

За окном, в глубокой тени между фонарем и кустами сирени, воздух едва заметно *дро-
нул*. Как будто что-то невидимое, холодное, затаившееся, лишь на мгновение нарушило при-
вычный ход вещей. И замерло. Ожидая. **Словно наблюдало за тем, как ее якорь медленно
превращается в ее слепоту.**

Глава 2: Перед Отплытием

Завтра. Завтра она переедет. Эта мысль висела над Юлей тяжелым, хоть и ожидаемым колоколом, пока она сидела на краешке дивана в уютной, пропахшей ванилью квартире Марины. Коробка с открытками, последняя ниточка, связывающая ее со старой жизнью в этой комнате, стояла у порога – немой свидетель грядущей перемены. Солнечные зайцы прыгали по фиалкам на подоконнике, но до сердца Юли это тепло не доходило. Внутри все еще сжимал ледяной комок тревоги, оставшийся от теней у подъезда.

«Ну вот, почти все готово,» – Марина, маленькая, светловолосая, в своем вечном фартуке с кроликами, поставила перед Юлей кружку душистого чая. Печенье на тарелочке дымилось теплом. «Завтра утром ты уедешь, погрузите последнее – и вперед, к новому счастью.» Она села рядом, обняв сестру за плечи. Ее прикосновение было легким, но невероятно прочным, как спасательный круг. **Таким же, каким оно было всегда – с тех самых пор, как родители уехали из Питера, оставив Юлю-подростка на попечение ненамного старшей сестры. Они выросли, став друг для друга и семьей, и домом.**

«Марин...» – Юля запустила пальцы в теплую глину кружки, ища в ней опору. Голос предательски дрогнул. «У меня... на душе кошки скребут. Сильно. С этим... завтра.»

Марина не удивилась. Она лишь притянула Юлю ближе, позволив ей притулиться к своему плечу, **точно так же, как делала это в детстве, когда Юля боялась грозы или контрольной.** Ее голос, когда она заговорила, был тихим, убаюкивающим, **тем самым – из их общего прошлого, полного сестричьих секретов и взаимных утешений:**

«Юленька, – прошептала она, глядя сестру по спине знакомыми кругами. – Конечно, скребут. Это же как... как в первый класс идти. Или на первое свидание. Все новое, все неизвестное. Страшно? Еще как! Но это *хороший* страх. От ожидания счастья.» Она аккуратно отодвинулась, чтобы посмотреть Юле в глаза. **В ее голубых глазах светилась та же безоговорочная поддержка, что и десять, и пятнадцать лет назад. Они с детства заботились друг о друге – сначала Марина о Юле, потом все больше и Юля о Марине. Это был их негласный закон: быть опорой.** «Помнишь, как ты тряслась перед выпускным? Казалось, мир рухнет? А вечер стал одним из самых ярких. Или когда я уезжала к Леше? Ты тогда ревела три дня, думала, я пропаду без тебя.» Марина улыбнулась, и в уголках ее глаз собрались лучики морщинок. «А я – вот он я. Живая, здоровая, и чай тебе варю. И ты будешь живая, здоровая, и будешь мне по воскресеньям звонить и рассказывать, как там у вас в новом гнездышке.»

Юля попыталась улыбнуться в ответ, но улыбка получилась хрупкой. **Слова Марины были бальзамом, знакомым и дорогим. Они звучали как эхо их общего детства и юности, где любая беда отступала перед сестриной верой в лучшее.** «Это... не просто страх нового, Марин,» – выдохнула Юля, снова пряча лицо в свитере сестры. Голос звучал приглушенно, исповедально. **С кем еще так говорить, если не с сестрой? Родители далеко, их забота – это звонки и посылки. А Марина – здесь.** «Я *чувствую*... Как будто что-то... не так. Неправильно. Тревога – она не про квартиру. Она... про Андрея? Или... я не знаю. Темная какая-то. Холодная.»

Марина на мгновение замерла, затем крепче обняла сестру. **Ее пальцы легонько вплелись в русые волосы Юли, как делали это всегда, когда та особенно нуждалась в успокоении.**

«Юлечка, – сказала она мягко, но настойчиво. – Ты мой человек-первопроходец. Ты всегда все чувствуешь острее всех. И тревожишься глубже. Помнишь, как в детстве на даче бабы Зины? Тебе мерещилось что-то в шкафу, а оказалось – сова в трубе завелась, дудела.» Она тихонько рассмеялась, и смех ее был теплым, как печенье. «Андрей – твоя гавань. Твой человек. Он тебя любит, заботится. Он будет рядом. И я буду рядом – всего звонок или поездка на метро. **Мы всегда рядом, помнишь? Как клялись, когда родители уехали? ** Никто тебя не бросит. Никакая темнота тебя не настигнет.» Она поцеловала Юлю в макушку. **Этот жест был ритуалом, знакомым с детства: "Все будет хорошо, я с тобой".** «Это твоя чуткая душа бьет тревогу перед бурей перемен. Но буря-то – хорошая! Свадьба на носу, новая жизнь... Нормально бояться. Но не давай страхам рисовать монстров. Дыши. Пей чай. Завтра утром все будет выглядеть совсем иначе.»

Юля сделала глубокий вдох, впитывая запах чая, корицы и *Марины* – запах детства, безопасности, безусловной любви. **Тепло от кружки и от сестры медленно растекалось по телу, оттесняя ледяной комок тревоги куда-то глубоко, на периферию сознания.** Она так хотела верить этим словам, этой простой, ясной логике сестры. **Верить, как верила в детстве, что Марина может прогнать любых монстров из-под кровати.**

«Да... Наверное, ты права,» – прошептала она, чувствуя, как дрожь в руках понемногу стихает. **Стыд за свои страхи смешивался с облегчением и огромной благодарностью.** «Просто... завтра. Оно такое большое.»

«Оно – твое,» – твердо сказала Марина, вставая. «А теперь доедай печенье. И давай я тебе шарфик твой достану, завтра утром свежо будет. Нельзя, чтобы моя невеста на новую квартиру с насморком приехала!» Она засуетилась, напевая что-то бодрое.

Юля закрыла глаза, прислушиваясь к привычным звукам квартиры сестры: звон посуды, шум воды, шаги. **На мгновение мир казался прочным и безопасным.** Тревога, загнанная в дальний угол теплом и заботой, притихла. **Но не исчезла.** Она была как тень за окном вчерашнего вечера – невидимая, но ощутимая. Холодок где-то под ребрами напоминал: *Ты одна это чувствуешь. Никто не видит.* **Но сейчас, в лучах Мариной веры, это напоминание казалось слабым, почти призрачным.** Она отломила кусочек печенья. **Завтра. Оно будет хорошим. Оно *должно* быть хорошим. Потому что Марина верит. И потому что они с детства заботились друг о друге – и не подведут сейчас.**

За окном, в уютном дворике, солнце клонилось к закату, окрашивая все в теплые, медовые тона. **Но на самой границе тени от высокого дома, там, где свет уже не доставал, воздух едва заметно, почти неуловимо, *колыхнулся*.** Будто что-то огромное и незримое сделало медленный, терпеливый вдох. Ожидая утра.

Глава 3: Ночные Тени Старой Квартыры

Тишина старой квартиры казалась густой, почти осязаемой. За окном давно погасли последние огни Ленинградского проспекта, уступив место глубокой синеве ночи. Андрей спал крепко, ровно дыша, его теплое тело было надежным островом посреди прохладных простынь. Юля лежала рядом, широко открытые глаза вглядывались в потолок, где плясали тени от фар проезжающих вдали машин.

****Завтра переезд.**** Слово висело в воздухе, тяжелое и неотвратимое. Успокоение, подаренное Мариной, ее теплом и печеньем, растаяло, как дым. На смену пришло ****навязчивое, леденящее воспоминание.**** Не тени у подъезда. Более раннее. ****С дачи.****

Оно всплыло внезапно и с такой силой, что Юля едва сдержала стон. Она сжала веки, но картина стала только ярче, детальнее, как проклятый фильм, запущенный в ее сознании:

Они с Андреем возвращались с речки. Запах сосен, влажной земли, их мокрые волосы. Андрей шел впереди, насвистывая, нес ведра с уловом. Юля плелась следом, уставшая и счастливая. И тогда она их увидела.

*****Двое.*****

Стояли у кромки леса, за спиной у Андрея, метрах в двадцати. Высокие, неестественно худые фигуры в струящихся, абсолютно черных плащах, сливавшихся с лесной мглой. Капюшоны скрывали лица. Они не стояли на земле. Они *парили****, едва касаясь кончиками плащей пожухлой травы. Беззвучно. Неподвижно. Как черные маятники, застывшие в мертвой точке. Следя.***

Юля замерла, ледяной волной накрыло с головой. "Андрей..." – хрипло выдохнула она, но ветер унес ее шепот. Он шел дальше, не подозревая.

И тогда... *один из них обернулся.******

Не всем телом. Только "головой" под капюшоном. В сторону Юли. Там, где должно было быть лицо, зияла лишь *глубокая, бездонная пустота.**** Холодный, неживой, ****абсолютно осознанный взгляд**** ударил ее, пронзил насквозь. Он не видел глазами. Он ***ощущал***. Чувствовал ее страх, ее ужас, ее попытку предупредить Андрея. В этой пустоте не было злобы. Не было ненависти. Там был ****ледяной, безразличный интерес.**** Как ученый смотрит на дрожащую под микроскопом амебу. И в этой пустоте, в этом взгляде, было нечто такое... ****чужеродное.**** Не от мира сего. Нечеловеческое.***

Юля не могла пошевелиться. Воздух превратился в ледяную крошку в легких. Она стояла, парализованная этим взглядом из Ничто, пока Андрей, наконец, обернулся и не окликнул ее: "Юль, ты чего?"

И в тот же миг... Тени растворились. Будто их и не было. Только холодный след на коже и эта жуткая пустота в памяти, куда устремился взгляд.

Воспоминание схлынуло, оставив после себя ****физическую дрожь.**** Юля лежала, стиснув зубы, чтобы они не стучали. Тело было ледяным, хотя под одеялом и от Андрея было тепло. ****Тот самый холод.**** Тот самый ****остаточный ужас**** от встречи с абсолютно Иным.

Она повернулась к Андрею, осторожно, боясь разбудить. Он спал глубоко, лицо расслабленное, безмятежное в лунном свете, пробивавшемся сквозь щель в шторах. ****Его мир был цельным, понятным. В нем не было места левитирующим теням с безликой пустотой под капюшоном.****

****Юля прижалась к нему сильнее.**** Впитывая его тепло, его запах – запах ***ее*** Андрея, землистый от шампуня, родной. Она обвила его руку своими, прижалась лбом к его плечу, ****будто пытаясь физически защититься от навязчивого видения, от того ледящего взгляда Пустоты.**** Она так хотела раствориться в его реальности. В его простом мире, где есть работа, переезд, любовь, и нет никаких чудовищ из тьмы.

****Но тело помнило.**** Мышцы были напряжены, как струны. Под ложечкой снова сжался знакомый холодный комок тревоги, ****теперь наполненный конкретным, жутким образом.**** Она чувствовала ****неладное**** не абстрактно. Она ***знала***. Знала, что эти Тени были реальны. Знала, что они связаны с Андреем. Знала, что их интерес – не случаен. И знала, что ****завтра они поедут в новую квартиру, и эта неизвестность, эта скрытая угроза, поедет с ними.****

Андрей во сне что-то пробормотал, обнял ее чуть крепче. Его дыхание было ровным и спокойным. ****В этом спокойствии была ее опора и ее пытка.**** Как ему сказать? Как заставить поверить в то, что кажется безумием? После слов Марины, после его собственных рациональных объяснений... ****Она оставалась одна на один со своей правдой.****

Юля закрыла глаза, прижимаясь к его теплой спине. ****Она чувствовала приближение чего-то огромного и темного.**** Как шторм перед ударом первой волны. Переезд завтра был не началом новой счастливой жизни. Он был ****погружением в неизвестность, где ее единственным компасом были ее страхи и это ледящее воспоминание о взгляде из Бездны.****

За окном, в глубокой синеве ночи, где-то очень высоко, ****проплыла огромная, бесшумная тень,**** на миг перекрыв слабый свет далекой звезды. Но Юля ее не видела. Она лишь инстинктивно прижалась к Андрею еще сильнее, ****ища спасения в его сне, в его неведении, в тепле его тела – последнем островке безопасности перед грядущим плаванием в океане теней.****

Глава 4: Серебристая Капсула в Никуда

Утро встретило их хмурым, промозглым небом. Старая квартира, опустевшая и звонкая от голых стен, казалась призраком самой себя. Коробки, ставшие за последние дни привычным пейзажем, были уже погружены в багажник и на заднее сиденье **новенького серебристого Audi A6**, сверкавшего у подъезда мокрым блеском. Машина Андрея. Символ его успеха, стабильности, того самого «надежного будущего», о котором он так часто говорил.

Юля стояла на пороге, ключи от старой квартиры холодным грузом лежали в кармане куртки. Она окинула взглядом пустую прихожую – следы от снятых полок, пыль в углах, где когда-то стояли коробки. Здесь оставалась часть ее жизни. **И часть ее иллюзий о безопасности.** Теперь предстояло войти в эту **серебристую капсулу** и отправиться в неизвестность.

Андрей уже садился за руль, проверив замок багажника. Он выглядел сосредоточенным, деловитым, в его движениях чувствовалась энергия нового начала. «Юль, поехали? – крикнул он, заводя двигатель. Ровный, мощный звук заполнил утро. – Не замерзни там!»

Она сделала шаг за порог, чувствуя, как холодный воздух обжигает щеки. И остановилась. Повернулась, чтобы в последний раз взглянуть на знакомый подъезд, на окна квартиры Марины этажом выше (занавески были раздвинуты – сестра, наверное, смотрела сверху). Потом ее взгляд упал на Андрея. Он сидел за рулем, профиль четко вырисовывался на фоне темного салона. Сильный, надежный, **ее якорь**.

И в этот миг, прямо перед тем, как сесть в машину, Юля посмотрела на него. Не просто взглянула – **всмотрелась.** И в ее глазах, серых и глубоких, как это хмурое небо, вспыхнула такая **бездонная, невысказанная грусть**, что Андрей, почувствовав взгляд, резко повернул голову.

Их взгляды встретились. На долю секунды Юля увидела в его темных глазах мимолетное удивление, почти вопрос. *Что случилось?*

Но Андрей был мастером гасить ее тревоги. Миг – и его лицо озарила **легкая, ободряющая улыбка.** Не широкая, но теплая. Знакомая. Уверенная. «Эй, всё хорошо, солнышко,» – сказал он, его голос прозвучал громче шума мотора. Он протянул руку через открытое пассажирское окно, **крепко, успокаивающе обнял ее за плечи,** притягивая к холодному боку машины. Его ладонь была твердой и теплой даже сквозь толстую ткань куртки. «Страница перевернута. Впереди – только лучшее. Обещаю. Всё будет хорошо.»

Его слова, его прикосновение, его непоколебимая вера – они всегда были для нее спасательным кругом. Она прижалась к его руке на мгновение, впитывая это тепло, эту уверенность. **Она хотела верить. Отчаянно хотела.**

Но когда он отпустил ее, чтобы она могла сесть, **внезапный, острый комок подступил к горлу.** Грусть, страх, невысказанное предчувствие беды – все смешалось в один сокрушительный импульс. Юля быстро отвернулась, делая вид, что поправляет воротник под курткой. **И в этот миг, пока ее лицо было скрыто от Андрея, по ее щеке скатилась единственная, быстрая, горячая слеза.** Она на мокрый асфальт у порога старой жизни и мгновенно растворилась, оставив лишь крошечное темное пятнышко.

«Да, конечно, всё будет хорошо,» – прошептала она, слишком тихо, чтобы он услышал сквозь шум мотора. Голос ее звучал чужим, натянутым.

Она открыла тяжелую дверь пассажирской двери Audi и скользнула внутрь. Салон встретил ее запахом новой кожи, дорогого пластика и едва уловимым ароматом одеколона. Тепло. Уютно. Технологично. **Совершенно чужое.**

Андрей тронул с места, серебристая машина плавно вырулила со двора. Юля прижалась лбом к холодному стеклу, глядя, как в боковом зеркале заднего вида уплывает знакомый подъезд, окна Марины, ее старая жизнь. **В зеркале мелькнуло ее собственное отражение – бледное, с чуть покрасневшими глазами, в которых все еще стояла немой вопрос и непролитые слезы.**

Она сжала руки на коленях. **«Всё будет хорошо».** Слова Андрея висели в салоне, как заклинание. **Но для Юли они звучали не как обещание, а как прощальный гул того серебристого мотора, увозившего ее прямо навстречу тени, что пристально смотрела на нее из бездонной пустоты под черным капюшоном.** И холодный ком под ложечкой сжался с новой силой, заполняя салон невидимым, но осязаемым предчувствием бури.

Глава 5: Мост в Никуда

Серебристый Audi плыл по мокрому асфальту, сливаясь с потоком машин. Дождь затянул небо серой пеленой, превращая город в размытую акварель за тонированными стеклами. Андрей вел машину спокойно, одной рукой на руле, другой время от времени касаясь коленки Юли – легкое, успокаивающее прикосновение. Радио тихо бубнило о пробках.

Юля сидела, прижавшись к подголовнику, пытаясь загнать обратно навязчивые образы ночи. Ком под ложечкой был меньше, но все еще холодным камнем лежал внутри. ****Они подъезжали к мосту.**** Огромный, серый, как клык гиганта, он перекинулся через широкую реку, всегда забитую машинами до отказа. Сегодня – не исключение. Поток замедлялся, сжимаясь перед выездом.

«Опять пробка, – вздохнул Андрей, притормаживая. – Никуда не спешим, милая» Он бросил на нее быстрый взгляд, и в его глазах мелькнуло привычное ободрение. Юля попыталась ответить улыбкой, но губы не слушались. Пробка начала пропадать, скорость увеличилась.»

****И в этот миг – это случилось.****

Прямо перед лобовым стеклом, ****откуда-то сверху, словно свалившись с самого неба,**** рухнула ****фигура в черном плаще.**** Она не упала на капот с грохотом. Она ****материализовалась****, зависнув на мгновение в воздухе перед самым стеклом Юли, залитая потоками дождя.

Юля ахнула, вжавшись в кресло. ****Это не была тень.**** Это было ****оно****. Тот самый посланник из кошмара. Но теперь – в жуткой, разлагающейся конкретике.

****Черный плащ**** был мокрым, слипшимся, но под ним не угадывалось тела – лишь пугающая худоба и неестественные изломы.

****Капюшон частично сполз,**** открыв ****не лицо, а его жалкие остатки.****

****Губа.**** Только нижняя губа, синевато-серая, обвисшая, кое-как прикрепленная к обнаженной челюстной кости.

****Щека.**** Клочок грязной, мертвенно-бледной кожи, натянутый на скулу, как прогнившая ткань. Под ней зияли ****обнаженные, желтоватые кости черепа.****

****Глаз.**** Там, где должен быть правый глаз – лишь ****глубокая, черная впадина****, заполненная дождевой водой и чем-то липким, темным. Левый – ****остался.**** Но это был не глаз. Это был ****мутный, затянутый бельмом шарик,**** бессмысленно уставившийся в пространство. Ни зрачка, ни жизни – только гниlostная пустота.

Существо ****сначала повернуло то, что осталось от головы, к Андрею.**** Мутный глаз-шарик скользнул по его профилю за рулем. ****Но затем – резко, с почти механической точностью – оно перевело этот ужасный взгляд на ЮЛЮ.**** И в этом взгляде, в этой черной впадине и мертвом шарике, мелькнуло ****недоумение.**** ****Шок.**** ****Оно видит меня? ОНА ВИДИТ МЕНЯ?***** Это был не просто взгляд – это был вопросительный удар ледяной иглой прямо в мозг.

****Юля ЗАКРИЧАЛА.**** Дикий, раздирающий глотку вопль ужаса, вырвавшийся помимо воли. Ее руки впились в подлокотники, ногти вцепились в кожу.

«Юля?! Что?!» – Андрей резко повернулся к ней, его лицо исказилось испугом и полным непониманием. Его глаза метнулись к лобовому стеклу, залитому потоками воды и грязи. **Он ничего не видел!** Только мокрое стекло, дворники, мчащиеся капли дождя и бампер впереди идущей машины. «Что с тобой?! Где?!»

В этот миг существо ПОДНЯЛО РУКУ. Не руку – **обтянутый лохмотьями кожи и тканью плаща скелет с обломками костей вместо пальцев.** И с нечеловеческой силой **СТУКНУЛО этой костяной ладонью ПО ЛОБОВОМУ СТЕКЛУ ПРЯМО ПЕРЕД АНДРЕЕМ!** Не по Юлиной стороне – **прямо перед его лицом!**

Звон! Глухой, страшный удар, от которого задрожала вся передняя панель. На стекле не осталось трещины, но звук был реальным, физическим.

«ЧТО ЭТО?!» – заорал Андрей, инстинктивно дернув руль, его взгляд мелькнул туда, откуда пришел удар. Но перед ним по-прежнему было лишь мокрое стекло и машина впереди. **Существо уже отпрянуло от машины, отплывая назад и вверх с невозможной скоростью, растворяясь в серой пелене дождя, как будто его и не было.** Его исчезновение было таким же внезапным, как появление.

«Андрей! СМОТРИ!» – успела прохрипеть Юля, указывая пальцем не в туман, где растворилось чудище, а **ВПЕРЕД, НА ПОЛОСУ ВСТРЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ.**

Но было уже поздно.

Из встречного потока, из-за поворота моста, вынесся огромный фургон. У него **лопнуло переднее правое колесо.** Резина разорвалась с хлопком, похожим на выстрел. Грузовик резко, неконтролируемо рвануло влево, **прямо на их полосу.**

Андрей только начал поворачивать голову в сторону крика Юли и взгляда на встречу. Его глаза расширились от ужаса и осознания. Он рванул руль вправо, до упора, пытаясь вывернуть, но...

Удар.

ЛОБ В ЛОБ.

Страшный, оглушающий, вселенский грохот. Звук рвущегося металла, бьющегося стекла. Серебристый Audi смяло, как бумажный стаканчик, под грудой внезапно обрушившегося на него грузовика. Сила удара швырнула Юлю вперед, ремень безопасности впился в грудь и плечо, а потом отбросил назад. Воздух наполнился пылью, запахом бензина, горелой резины и... **медью.** Запахом крови.

Тишина. Гул в ушах. Потом – крики, гудки, звуки подбегающих людей.

**Андрей... **

Он сидел за рулем. **Неподвижно.** Его голова была неестественно запрокинута на подголовник. Темные глаза, еще секунду назад полные жизни и непонимания, теперь **смотрели

в никуда, остекленевшие, пустые.** Широкая алая струя крови стекала из его рта и носа на светлую рубашку. **Никаких сомнений. Мгновенно.**

**Юля... **

Она дышала. Острая боль пронзила лоб. Она подняла дрожащую руку, коснулась теплой влаги. **Кровь.** Сильная ссадина, рваная, на самом краю линии роста волос. Кровь текла по виску, смешиваясь с дождем и стекая за воротник. Другие ссадины горели на руках, ногах, но **эта – на лбу – была самой страшной, самой кровавой.** Но она была **жива.**

Она повернула голову. Увидела Андрея. Увидела **пустоту** в его глазах. Увидела кровь. Увидела смятый металл, в который превратилась его гордость – Audi.

И тогда до нее дошло.

Оно пришло за ним. Оно посмотрело на него. Оно стукнуло по стеклу **перед ним.** И... он умер. Прямо у нее на глазах. **Из-за нее? Из-за ее крика? Из-за того, что ОНА УВИДЕЛА? **

В ушах снова завыл тот леденящий гул. Но теперь он смешался с воем сирен скорой и криками людей, ломящих двери разбитой машины. **Кровь с ее лба капала на дорогую кожу сиденья, яркими алыми точками на фоне серого ада.** Она смотрела на мертвого Андрея, и мир вокруг рухнул, унося с собой последние островки его рациональности, его тепла, его обещаний, что "всё будет хорошо". Осталась только **кровь, боль, ледяной ужас и бездонная, всепоглощающая пустота.**

Глава 6: Кровь и Безмолвие

Звуки мира доносились до Юли сквозь толстый слой ваты, обволакивающий ее сознание. Крики превратились в приглушенный гул, вой сирен – в далекий протяжный стон, гудки машин – в назойливый писк комара. Она сидела на мокром, холодном асфальте у развороченного бока своего серебристого гроба. Кто-то – мужчина в куртке – осторожно придерживал ее за плечо, что-то говорил, но слова распадались на бессмысленные слоги еще до того, как достигали ее ушей.

****Ее лицо было в крови.****

Теплая, липкая, алая. Она чувствовала, как она стекает по левому виску, затекает за ухо, капает на воротник куртки, уже пропитанный дождем и чем-то темным. Основной поток шел от ****сильной, рваной ссадины на лбу****, прямо у линии волос. Боль была тупой, далекой, как что-то происходящее не с ней. Она не пыталась ее остановить. Не пыталась вытереть. Она просто ****смотрела в пустоту.****

Перед ней, в искаженном металлическом месиве, где еще час назад было водительское кресло ее Audi, лежало ****оно****. Тело. Завернутое в какую-то серебристую ткань – термоодеяло? – но не полностью. Видна была рука. Знакомая рука, которая только что лежала на ее коленке, которая крепко обнимала ее у подъезда. Теперь она была неестественно вывернута, бледная, безжизненная. И из-под края ткани торчали ****темные волосы.**** Андрея.

****Мозг отказывался понимать.**** Собрать воедино обрывки: черный плащ, гнилую губу, удар по стеклу, который слышала только она, крик, визг тормозов, страшный удар, тишина... и вот это. Это тело. Его тело. ****Он больше не дышал.**** Его глаза, такие живые, такие темные и понимающие, теперь были закрыты. Навсегда.

****Юля не плакала.**** Внутри была только ****громкая, леденящая пустота.**** Пустота, которая поглощала все: боль от ссадин, холод асфальта, голоса вокруг, запах бензина и... чего-то сладковато-медного. Эта пустота была громче всех звуков. Она заполняла ее целиком, не оставляя места ни для мысли, ни для чувства, кроме одного – ****первобытного, всепоглощающего ужаса.**** Ужаса не только от смерти, но и от того, что ****предшествовало**** ей. От того ****существа.**** От его ****взгляда.**** От его ****удара,**** который был посланием, адресованным ****ей****, и наказанием для ****него****.

«Девушка! Девушка, вы меня слышите?» Чье-то лицо склонилось перед ней. Женское. В белой шапочке. Глаза врача скорой были внимательными, усталыми. «Как вас зовут? Юлия? Юлия, вы можете говорить? Где болит?»

Юля медленно перевела взгляд с пустоты на это лицо. Глаза ее были широко открыты, зрачки огромными, почти черными на фоне залитых кровью бледных щек. В них не было осмысленности. Только ****отражение того кошмара, который продолжал разворачиваться внутри, несмотря на внешнюю остановку событий.**** Она видела не врача. Она видела ****пустоту под черным капюшоном.**** Она видела ****мутный шарик глаза, впившегося в нее с немимым вопросом: «Почему ты видишь?»**** Она видела ****Андрея за рулем, в последний миг поворачивающего к ней лицо, полное растерянности и любви, перед тем как его настигла железная смерть.****

«Кровь...» – прошептала она хрипло, не в силах сформулировать что-то еще. Не про свою кровь на лбу. **Про его кровь.** На рубашке. На сиденье. На асфальте под серебристым одеялом.

«Да, у вас рана на лбу, – врач осторожно прикоснулась к краю ссадины, заставив Юлю вздрогнуть. – Сильная ссадина. Нужно обработать и посмотреть, не надо ли накладывать швы. Вы в шоке, милая. Это нормально. Сейчас поможем.» Врач что-то сказала санитарам. К Юле подошли двое мужчин в униформе с носилками.

Юля не сопротивлялась. Она позволила им поднять себя, усадить на жесткие носилки. Ее тело было ватным, послушным. Взгляд снова уплыл в никуда, сквозь суетящихся медиков, сквозь полицейских, огораживающих место жуткой лентой, сквозь толпу зевак с поднятыми телефонами. Она смотрела туда, где под серебристой тканью лежало **Единственное, что придавало смысл ее миру.** И которого больше не было.

Кровь с ее лба капала на белый пластик носилок. Яркие, алые капли на фоне серого асфальта и хмурого неба. Санитары понесли ее к ждущей «скорой». Мир качнулся. В ушах завыл тот самый **леденящий гул,** смешавшись с реальным шумом мотора реанимобиля. Он заглушал все. Даже тихий, безутешный стон, который наконец вырвался из ее груди, когда двери «скорой» захлопнулись, отрезая последний вид на смятый остов Audi и на то, что осталось от Андрея под серебристой тканью.

Она сидела в машине, трясясь на носилках, лицо в крови, взгляд прикованный к металлической стенке. **Она не понимала до конца, что произошло.** Мозг отказывался принять необратимость. Но **ужас,** животный, всепоглощающий ужас от встречи с Иным и от его страшной, непостижимой мести – **этот ужас понимал все.** И он заполнял каждую клеточку ее разбитого тела, каждую каплю крови, стекавшую по ее лицу, напоминая: *Ты видела. Ты одна видела. И за это он заплатил. Ты следующая.*

«Скоро приедем, держись,» – сказал кто-то из медиков, пытаясь зафиксировать ее голову.

Юля ничего не ответила. Она просто **смотрела в пустоту** перед собой, где вновь и вновь разыгрывался тот роковой миг на мосту: черный плащ, гниющая губа, мертвый глаз, устремленный на нее, костяная ладонь, бьющая по стеклу, которое не треснуло для других... и страшный удар, оборвавший все. **Кровь Андрея и ее кровь на лбу сливались в один жуткий узор – клеймо вины и знак избранности в мире, ставшем вдруг бесконечно враждебным и необъяснимым.**

Глава 7: Шепот и Игла

Стены больничной палаты были выкрашены в унылый салатовый цвет, который даже при дневном свете казался больничным и тоскливым. Юля лежала на узкой койке, пристегнутая к капельнице. Лоб был заклеен широким белым пластырем, под которым угадывались очертания рваной ссадины. Синяки на руках и щеке отливали сине-желтым. Но хуже всего были ****глаза.**** Они были широко открыты, устремленные в потолок, в какую-то точку за пределами реальности. Пустые. Заполненные только отражением внутреннего кошмара. Руки лежали поверх одеяла, пальцы слегка подрагивали.

Дверь открылась с тихим скрипом. Вошла Марина. Маленькая, светловолосая, она казалась еще меньше и хрупче в этом казенном пространстве. Ее лицо было бледным, заплаканным, глаза опухшими от бессонной ночи и горя. В руках она сжимала пакет с фруктами и бутылку воды – беспомощные дары в мире, где случилось непоправимое.

«Юлечка...» – голос Марины сорвался на шепот. Она осторожно подошла к кровати, боясь потревожить сестру, боясь увидеть в ее глазах то, что уже знала из слов врачей и полиции: ***Андрея нет.***

Юля не повернула головы. Ее взгляд оставался прикованным к потолку. Губы чуть шевельнулись.

«Юленька, солнышко, это я, Марина,» – сестра осторожно присела на краешек стула у кровати, протянув руку, но не решаясь коснуться. «Как ты? Все... все ли с тобой хорошо?» Вопрос прозвучал глупо даже в ее собственных ушах. ***Хорошо? После этого?*** Но других слов не находилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.